

А. А. ПЕЧЕРСКИЙ

ВОССТАНИЕ В СОБИБУРОВСКОМ ЛАГЕРЕ

Росткиздат — 1945

А. А. ПЕЧЕРСКИЙ

ВОССТАНИЕ В СОБИБУРОВСКОМ ЛАГЕРЕ

**РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д.— 1945**

Редактор М. Д. Распопина

**Изд. № 27-7863. Подп. в печ. 14/III 1945 г. Объем
2 п. л. Тираж 5000 экз. ПК 00827 Тип. им. Калинина
РОУИиП в Ростове н-Д. Заказ 649.**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор этой брошюры А. А. Печерский описывает чудовищные злодеяния в одной из фашистских „фабрик смерти”—Собибуровском концлагере (в Польше), где погибли сотни тысяч детей, женщин, мужчин, привезенных из оккупированной немцами территории СССР и многих других европейских стран.

Очерк не претендует на художественную красочность. Но значительность даже немногих приводимых автором фактов гибели людей в этом лагере, кошмарно тяжелой жизни нескольких сот заключенных—не может не волновать читателя. Чудовищные злодеяния гитлеровцев заставляют еще сильнее ненавидеть чумную за-

разу фашизма. стремиться всеми силами к тому, чтобы добить фашистскую гадину.

В брошюре говорится об единственном в истории фашистских концлагерей массовом побеге заключенных—около 600 человек. Побег был организован и осуществлен советским человеком—офицером Красной Армии. Он тщательно, во всех деталях продумал план побега, провел большую организационную работу в течение очень короткого срока—три недели—и точно выполнил его, несмотря на многие препятствия.

Гитлеровские людоеды всячески стремились скрыть следы своих кровавых преступлений в Собибуре. После массового побега, организованного тов. Печерским, фашисты уничтожили лагерь, разрушили постройки и устроили лесные насаждения на всей этой площади. Но подлым извергам не удалось скрыть правду. Близок день страшного суда над фашистской Германией и на этом суде будут услышаны и показания живых людей, свидетелей кровавых ужасов, творимых гитлеровскими палачами

Было раннее хмурое сентябрьское утро. Выстроившись во дворе Минского СС-арbeitsлагеря, двухтысячная толпа женщин, детей, мужчин с напряженным вниманием прислушивалась к словам, небрежно бросаемым комендантом Ваксом. Охрипшим от попоек голосом он говорил:

— Через час вас отвезут на станцию. Вас ждет великая милость фюрера: вы отправляетесь на работу в Германию. Фюрер признал возможным даровать жизнь тем людям, которые имеют какую-нибудь специальность и будут работать добросовестно на благо великой Германии. Вы поедете со своими семьями. Можете взять с собой все вещи, какие у вас имеются... Итак, приготовьтесь к погрузке, — Вакс холодным, испытующим взором окинул толпу.

Оглянувшись вокруг, я увидел, что слова коменданта вызвали у одних недоумение и растерянность, а у других — ужас. Они думали: «Нет меры нашему горю теперь. Но кто знает — не готовят ли нам еще худшую участь».

Многим приходила в голову и такая мысль: «Быть может, удастся в дороге бежать...». Но почти тотчас же вспоминали, чем кончился в феврале сорок третьего года неудачный побег пятидесяти заключенных из Минского лагеря. Всех их не просто убили, а долго пытали. Сначала беспощадно избивали плетями и натравляли на них собак, терзавших людей. Затем глумливо провели через весь город с поднятыми вверх руками, потом загнали их в баню и, раздев догола, обливали попеременно то горячей, то ледяной водой. И только после этого фашисты выбросили их во двор на снег и открыли по ним огонь из автоматов. Среди этих замученных людей были Аркадий Орлов из Киева, Борис Коган из Тулы и другие.

С изощренным зверством еще недав-

но здесь пытали одного из лагерников за то, что он, якобы, присвоил лишних двести граммов хлеба. Его привязали к бочке и двадцать фашистов, встав в два ряда, поочередно, ровно минуту каждый, били лопатами по пяткам лагерника. Когда лагерник терял сознание, его приводили в чувство, обливая ледяной водой, и вновь били.

*

...Четыре дня шел поезд из Минска в неведомую даль. Четверо суток томилась мы, без хлеба и воды, в вагонах с забитыми окнами и запертыми дверями. Было так тесно, что люди могли только стоять, плотно прижавшись друг к другу. О том, чтобы сесть, а тем более лечь — мы даже и не мечтали.

На пятые сутки поезд остановился на глухом, затерянном в лесах полустанке. На белом щите было написано крупными готическими буквами: Собибур. С левой стороны от полустанка тянулись три ряда высокого — в три метра — проволочного ограждения.

Поезд перевели на запасный путь. Давая задний ход, паровоз втолкнул наш состав во двор, тщательно загороженный колючей проволокой, и высокие ворота тотчас же захлопнулись.

Исстрадавшиеся, обессиленные люди, шатаясь, вышли на площадку. Из стоявшего вблизи белого домика показалось несколько немецких офицеров. В руках у каждого была плеть.

Шедший впереди толстый, огромного роста немец — обершарфюрер Гомерский — пристально взглянул на нас, широко расставил ноги и, помахивая плетью, крикнул:

— Столяры и плотники — одиночки, идите сюда!

Вышла группа около 80 человек, преимущественно военнопленных, в том числе и я. Всем нам начальник лагеря Франц приказал пройти во второй огороженный двор. Затем нас направили в один из барачных. Пришлось размещаться на голых нарах — даже соломы на них не было.

Спустя около часа я вышел во двор

лагеря. Многие товарищи из нашей группы завязали беседы со старыми лагерниками. Один из них — пожилой человек с одутловатым, землистым лицом — подошел ко мне и сказал:

— Давайте познакомимся. Мое имя — Борис.

Я пожал его руку и спросил:

— Скажите, какие здесь порядки?

— Порядки? — улыбнулся с горечью он. — Должно быть, такие же, как и в других лагерях. В шесть утра гонят на работу. Рабочий день — шестнадцать часов. В двадцать два часа отбой. С охраной не разговаривать. К проволоке не подходить, иначе расстрел. Эти лагеря существуют свыше года. В лагере № 1 нас около пятисот человек, отовсюду — из Польши, Франции, Чехословакии, Голландии и других стран. А из России это только вас привезли впервые.

— А что это горит там? — показал я на багровое пламя, видневшееся в стороне от лагеря, на расстоянии не более полукилометра.

Борис осмотрелся по сторонам, взглянул пытливо на меня, потом ответил тихо:

— Не смотрите туда, запрещено. Это горят трупы ваших товарищей по эшелону.

— Как?! — воскликнул я, почувствовав, что ледяной холодок пополз у меня по спине. — И женщин, и детей?

— Да, всех, — дрогнувшим голосом ответил Борис. — Почти каждый день прибывают сюда по две тысячи человек из различных стран и все они немедленно умерщвляются. На этом маленьком клочке земли, не более десяти гектаров, гитлеровцы убили свыше полумиллиона детей, женщин, мужчин...

*

Через некоторое время, когда я ближе познакомился с Борисом, он рассказал мне о фашистской «фабрике смерти». Борис работал на складе лагеря № 2, где сортировали и отправляли в Германию вещи, оставшиеся после убитых, и все подробности он узнал от страж-

ников, сдававших эти вещи. Кровь стыла в моих жилах, когда я слушал рассказ Бориса, и до конца дней моих, до самой смерти останется в моей памяти ужасная картина гибели неповинных людей.

Солнце близилось к закату, бросая прощальные мягкие лучи. Небо было безоблачно, воздух напоен ароматом близкого леса, оттуда доносилось веселое щебетанье птиц. Но люди шагали, погруженные в мрачные думы.

Они шли, выстроившись колонной, окруженные усиленной охраной, вдоль проволочного заграждения. Впереди женщины в одних сорочках и дети, позади — на расстоянии ста метров — голые мужчины. Вот, наконец, ворота, над ними надпись: Лагерь № 3. Во дворе — большие каменные здания двух бань с маленькими оконцами, защищенными толстой железной решеткой.

Женщины и дети вошли в одну баню, мужчины — в другую. Охрана осталась снаружи и тотчас же заперла за вошедшими тяжелые, обитые железом двери.

Где-то вблизи послышался мерный рокот электромотора.

Некоторые в бане, взяв тазы, подошли к кранам за водой. Но дикий, нечеловеческий крик заставил их оглянуться назад и оцепенеть. Все смотрели вверх. С потолка, через широкие металлические трубы медленно ползли темные, густые клубы газа, нагнетаемые при помощи электромашин.

Все поняли, что обречены на мучительную смерть. Отчаянный плач, испуганные крики детей слились в один страшный вопль. Матери судорожно прижимали малышей к своей груди или, положив их на пол, укрывали своими телами. Погибая сами в мучениях, женщины инстинктивно стремились спасти детей или хотя на некоторое время отдалить их смерть. Многие метались, словно подстреленные птицы, ища уголка, где можно было бы спастись. Но газ полз неумолимо все ниже и ниже. Ужасны были страдания людей, погибавших от медленного удушья.

Не прошло и пятнадцати минут, как

все было кончено. В двух банях на полу остались груды почерневших трупов.

Тогда с тяжелым гулом заработали мощные вентиляторы, очищая воздух в банях. Спустя немного времени, надсмотрщик заглянул в помещение бани через толстое стеклянное окошечко в потолке. Убедившись, что воздух очистился, он дал сигнал — и тотчас же при помощи особого механизма раздвинулся пол, и трупы свалились вниз, в подвал. А там уже ждали вагонетки... Вскоре они, тяжело нагруженные, выкатились на лагерную площадку. Стражники сложили трупы в штабели, как дрова, облили горючей жидкостью и зажгли.

Пламя лизало почерневшие трупы, взметываясь яростно вверх, точно и оно стремилось вырваться на широкие просторы из «лагеря смерти», с тем, чтобы повести всему миру ужасную правду.

Заканчивая рассказ, Борис сжал кулаки и гневно произнес:

— Какие изверги! И как хладнокровно, обдуманно делают они это... Они используют все оставшееся после своих

жертв. Подлые, мелочные скряги-изуверы, перед тем как убить, они заставляют женщин и детей стричь волосы, потом эти волосы собирают в мешки, отправляют в Германию и там набивают ими подушки для седел. Неужто эти людоеды останутся безнаказанными?! Где бог, почему он не поразит их молнией и громом?!

Голос Бориса дрогнул, из глаз его по глубоким морщинам щек текли слезы.

В эту ночь, лежа на нарах, я долго не мог уснуть. Перед моими глазами стояли товарищи по эшелону, я видел своих соседей по вагону — трехлегнюю синеглазую Нелю, ее мать — худенькую двадцатилетнюю женщину с почти совсем поседевшими волосами. Мне чудился нелин голосок, тихонько, но задорно поющий:

Синенький грязный платочек
Немец мне дал постирать. •
Хвост от селедки, хлеба кусочек
И котелок облизать.

Как стойко держалась нелина мама!
Как много требовалось ей сил, чтобы

скрыть от ребенка свое немое, безысходное горе! В лихорадочном жару, надрываясь от кашля, она старалась улыбаться, чтобы не опечалить свою девочку, отдавала ей последнюю корку хлеба. Слабая, изнемогшая, она почти всю дорогу держала Нелю на своих руках.

Неля... Значит, и ее, и ростовчан из этого же эшелона — Льва Сраговича, Бориса Эстрина и тысячи других детей, женщин, стариков? Разве можно найти слова, чтобы достойно заклеить злодеев?... Мстить, мстить им беспощадно! И за эти погибшие жизни, и за все другие. Да, но чтоб отомстить, надо бежать из лагеря, бежать как можно скорей.

Я заснул поздно ночью тяжелым, как свинец, полным кошмаров сном. Во сне я дико кричал. Меня встряхнул за плечи Шлейма.

— Саша, Саша, что ты кричишь? Ты всех разбудишь. Охрана услышит!

Я присел на нарах. В голове сильно шумело, холодные капли увлажнили лоб. Придя в себя, я взял крепко за руку друга и сказал:

— Шлейма! Ах, какие ужасы мне снились!.. И самое страшное то, что ведь не во сне, а вправду все это было.

Шлейма сочувственно кивал головой:

— Да, понимаю, понимаю. Все же успокойся, попытайся немного отдохнуть, скоро уже на работу отправляться. Ведь немцы оставили нам жизнь, — хотя, видимо, ненадолго, — лишь потому, что им нужна рабочая сила. Нашими руками немцы спешно будут строить «Норд-лагерь».

То решение, к которому я пришел уже давно в прежнем лагере вместе со своим другом Шлеймой Ляйтманом и некоторыми другими, теперь окончательно у меня окрепло, заполонило все мои мысли и чувства. Восемь месяцев томился я перед этим в Минском лагере, и за это время у меня наладилась крепкая товарищеская связь со многими из тех, кто сейчас был вместе со мной в Собибуре. Но надо было прислушаться, присмотреться к людям и обстановке в этом лагере, чтобы организовать массовый побег.

В первые дни лагерной жизни, украд-

кой я делал очень короткие записи, в которых намеренно неразборчивым почерком отмечал главные факты из пережитого. Только потом, через год, я «расшифровал» свои записи и значительно их дополнил. Вот они...

24 сентября. Вчера прибыли в лагерь. Сегодня в пять часов был подъем. Все получили «завтрак»: по кружке кипятку без хлеба. В пять часов тридцать минут построились в колонны. Пришел обершарфюрер Франц. Сладкая улыбка не сходит с его толстой рожи. Три раза в день — утром, днем и вечером — он сам пересчитывает заключенных, не сбежали кто? Фашисты страшатся побегов из лагерей: все, что здесь творится, особенно в лагере № 3, должно навсегда остаться тайной.

Вчера вечером я разговаривал со старыми лагерниками. Выяснил, что мы находимся в лагере № 1. Недалеко от нас лагерь № 3 — «фабрика смерти», по выражению заключенных. Вблизи расположен лагерь № 2 со складами вещей, остающихся после умерщвленных. Несколь-

ко дальше — строящийся лагерь № 4 — «Норд-лагерь».

В шесть часов утра двести заключенных, в том числе и я, отправились на работу. Впереди поставили нас, — советских людей, прибывших с последним эшелоном, а за нами всех остальных, привезенных из разных стран. Перед выступлением нашей колонны Франц распорядился:

— Пусть русские поют свои песни!

— Мы не знаем, какие можно петь, — сказал я.

«Капо» Шмидт (переводчик-полицейский из числа заключенных) перевел эти слова:

— Пойте, какие хотите, — разрешил Франц.

— Саша, что запевать? — спросил меня недоумевающе Цыбульский, круглолицый, высокий парень из Донбасса.

— «Если завтра война...».

— Что ты? Изобьют...

— Запевай, тебе говорю! Ответим, что других не знаем.

Цыбульский затянул:

„Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если грозная сила нагрянет...“

Все подхватили припев, и грянула песня советской страны:

„Как один человек,
Весь советский народ
За свободную родину встанет...“

Песня вливала бодрость, звала к борьбе.

В этот день мы работали в «Нёрд-лагере». Все обошлось сравнительно благополучно, если не считать, что пятнадцать человек получили «за нерадивость» по двадцать пять плетей каждый. Плетями немцы били не просто, а с садизмом. Тот, кого били, должен был сам считать число ударов. А если он ошибался, его били до тех пор, пока он не начинал опять счета, и после этого давали еще 25 плетей.

25 сентября. В этот день в лагере у нас было срочное задание — перебросить уголь с одного места на другое. Поэтому на обед было дано только двадцать минут.

Франц все время стоял около лагерника-повара и изредка стегал его плетью, чтобы тот поскорее разливал пойло, называемое «супом».

Прошло около пятнадцати минут после начала выдачи «обеда». Увидев, что еще около трехсот человек не получили супа, Франц приказал повару выйти из барака во двор, сесть на землю, сидеть ровно, поджав под себя ноги, а руки держать опущенными. Затем Франц, насвистывая какой-то марш, стал ритмически наносить удары плеткой по голове и плечам повара. Ноги и руки его судорожно дергались, кровь залила лицо, он глухо стонал, не смея крикнуть.

Мы смотрели издали на это дикое избиение и не могли вмешаться. Сколько времени оно продолжалось, сказать не могу. Для нас оно показалось вечностью.

Многие, получившие в этот день суп, несмотря на голод, не могли его есть: казалось, он пропитан кровью.

26 сентября. День обычный. Утром нам раздали по кружке кипятку, в двенадцать часов — по кружке воды с затхлой

крупой, а вечером — кусочек хлеба. Двадцать пять человек, вдобавок к этой порции, получили по двадцать пять плетей каждый за разные «провинности».

Каким-то чудом я избежал избиения. Случилось это так. Сорок человек нас работало на колке дров. Изголодавшиеся, утомленные люди с трудом поднимали тяжелые колуны и опускали их на громадные пни, лежавшие на земле. Франц ходил между нами и сразмаху хлестал толстой плетью, приговаривая:

— Шнель, шнель!

Он неслышно подошел и остановился за спиной высокого, в очках, худого, как щепка, голландца. Полуослепшими глазами тот не различал стоявшего перед ним пня. Слабыми руками поднимал он колун и опускал, как попало, на пень.

Франц взмахнул плетью. Голландец застонал от боли, но не смел оторваться от работы и продолжал раз за разом бить, как попало, колуном по пню. И в такт этим ударам Франц, улыбаясь, бил его плетью по голове, с которой свалилась шапка.

Я стоял совсем близко, метрах в пяти, от голландца и не в силах был оторвать глаз от этой жуткой сцены, хотя и знал, что за малейший перерыв в работе меня постигнет такая же участь.

Проклятый немчур заметил, что я перестал колоть свой пень. Он подозвал меня:

— Ком!

Затем, вспомнив, видимо, русское слово, добавил:

— Иди, иди!

«Попался! — подумал я. — Теперь и меня изобьет, как голландца. Ну, что поделаешь... Главное, надо показать этому мерзавцу, что я не боюсь его».

И я твердо выдержал испытующий, насмешливый взгляд Франца.

Он грубо оттолкнул голландца и сказал на ломаном русском языке:

— Русски зольдат, тебе не есть по нраву, как я наказаль этот дурак? Даю тебе ровно пять минутен. Расколотишь за это время пень, получишь пачка сигарет. Опоздаешь секунду, всыплю двадцать пять плетей.

Он снова улыбнулся, отошел на несколько шагов от меня и вытянул вперед кисть руки с часами в золотом браслете.

Подавив в себе жгучее желание вцепиться в горло этого борова, я внимательно окинул взором пень и, пока Франц «засекал» время, рассчитал, как удобнее всего расколоть.

Франц скомандовал:

-- Начинай!

Я стал колоть. Все было, как в тумане, я уже ни о чем не мог думать, этот огромный пень заслонил собой весь мир... Но вот последним ударом я доколол его и тогда только почувствовал, что я не в силах хотя бы еще раз взмахнуть колуном. Несмотря на холодный дождь, все мое тело было облито потом. Поясница и руки мучительно ныли. Сердце сильно билось.

Подняв с трудом голову, я увидел, что Франц протягивает мне пачку сигарет.

— Четыре с половиной минутен,—сказал он.— Раз обещаешь — значит, так. Получай.

Я не мог себя принудить взять сигаре-

ты. Благоразумие подсказывало мне: «Возьми. Не возбуждай против себя начальника лагеря. Это поведет к установлению слежки за тобой, может помешать твоему делу». Но я не мог, физически не мог принять что-либо от этого негодяя, только что избившего несчастного голландца.

— Спасибо, я не курю, — ответил я и пошел к своему месту, чтоб взяться за работу.

Франц молча зашагал по двору. Минут через двадцать он вернулся. В руках у него были полбулки и кусок маргарина. Он обратился ко мне, растянув в улыбке пухлые губы, в то время как выпуклые, ястребиные глаза его были холодны, как лед.

— Русски зольдат, возьми.

За всю мою жизнь я не переживал такого тяжкого искушения. Я видел, как товарищи по работе искоса завистливо смотрят на меня. Я вдыхал, как аромат дорогих духов, запах хлеба. Меня прельщал янтарный маргарин... Как мне хотелось тогда есть!.. Но опять какое-то

властное чувство заставило меня отказаться:

— Благодарю вас, то питание, которое я получаю здесь, меня вполне удовлетворяет.

Скрытая ирония моего ответа не ускользнула, конечно, от Франца. С его лица на миг исчезла обычная улыбка. Угрожающе и вместе с тем озадаченно он переспросил:

— Не хочешь?

— Спасибо, я сыт.

Я видел, как рука Франца судорожно сжала плетъ, но он сдержался, круто повернулся и пошел со двора.

Едва он скрылся с глаз, ко мне подбежали ребята. Посыпались замечания:

— Почему ты не взял?

— Ведь он мог не только избить, но и убить тебя.

— И сам бы поел, и с нами поделился бы, хоть по маленькому кусочку.

А некоторые сказали:

— Ты поступил, как нужно.

Я смотрел на них утомленно. Мне хотелось крикнуть им, чтоб они выше дер-

жали голову, давали посильный отпор врагу. Но мне казалось, что они поняли меня. Впрочем, и говорить мне не пришлось бы, — к нам быстро шел «капо» Шмидт. Ребята поспешили к своим местам.

27 сентября. С утра мы работали во дворе «Норд-лагеря».

Один из моих товарищей по эшелону, молодой парень из Баку, называвший себя Калимали (настоящая его фамилия была Шубаев), шепнул мне:

— Ты заметил, что почти все начальство ушло из лагеря?

— Да. Но почему?

— Прибыл новый эшелон и людей уже направили на смерть. Должно быть, сейчас начали...

У меня точно сердце оборвалось — и в тот же миг я услышал, полные мучительной тоски и ужаса вопли детей и женщин, которые сейчас же заглушились неистовым гогом гусей.

Шубаев крикнул мне на ухо:

— Ишь, подлюги, что придумали. Мне рассказывали старые лагерники: давно

уже, по приказу Франца, держат триста гусей для того, чтобы заглушать их криком вопли умирающих людей. Ну, и мерзавцы!

Я чувствовал, что кровь закипела в моих жилах. Если б сейчас появился здесь какой-нибудь немец, я убил бы его вот этой лопатой, которую держал в руках.

Ко мне подошли бледные, взволнованные Цыбульский и Шлейма. Цыбульский сказал:

— Саша, нельзя дальше терпеть, надо действовать, уничтожить охрану — и в лес, благо немцев сейчас в лагере мало, а лес — всего лишь в двухстах метрах от нас.

Я ответил:

— А часовые на вышках, а колющие изгороди, а заминированные поля? Конечно, бежать одному или несколькими легче, чем всем. Но надо так сделать, чтобы ни один из нас не остался здесь. Пусть часть людей не уцелеет при побеге, но те, кто спасется от этих людоедов, будут мстить им.

— Но медлить нельзя.—настаивал Цыбульский. — Ведь уже осень, а когда лес оголится и выпадет снег, в чаще трудно будет скрываться.

Я помолчал немного и сказал:

— Если верите мне, терпеливо ждите, не говорите никому ни слова. Придет время, я скажу, что нужно делать.

28 сентября. В обед ко мне пришел Борис и сказал:

— Мне хочется поговорить с вами откровенно. Но здесь, понятно, это не удастся. Приходите после работы в женский барак. Только украдкой, осторожно, чтобы не увидели немецкие офицеры.

Вечером я и Шлейма отправились в барак, где было размещено сто пятьдесят женщин.

Тут же было и несколько пришедших мужчин. Один из них отозвал меня в сторону и шепнул:

— Борис просил передать вам, что его задержали на работе в лагере № 2 и он не сможет прийти сегодня.

Женщины стали наперебой спраши-

вать меня, что делается в Советском Союзе, как там живут и борются против фашистов. Мои ответы, переводимые Шлеймой, выслушивались с большим вниманием.

Много расспрашивали меня и о партизанах. Я говорил, что знал. Рассказывал, что немцы очень напуганы партизанским движением, особенно в Белоруссии, и что, например, в Минске немцы боятся показываться за город в одиночных машинах, — выезжают не меньше как по десяти машин, с установленными на них пулеметами.

Одна из женщин робко спросила:

— Вот вы говорите, что партизан очень много, что даже под самым Минском они нападают на немцев. Но почему же они не освободят нас?

— У партизан хватает своих дел. За нас действовать никто не будет.

Сказав это, я вышел из барака. Шлейма потом заявил мне, что хотя он и не перевел этой моей фразы, но ее поняли все, кто был в бараке.

Шлейма добавил:

— Ты, Саша, будь осторожней. А то нас учишь молчать, а сам откровенничаешь. Побайваюсь я. Когда ты ушел, я увидел в углу барака Бжецкого. Он — тоже заключенный в лагерь, но работает здесь «капо» — переводчиком-надзирателем.

29 сентября. Всех нас повели к железнодорожному полотну. Там стояли платформы с кирпичами. Нам дали задание разгрузить их. Но и здесь немцы решили поиздеваться над нами. Каждый должен был подбегать к платформе, схватывать шесть кирпичей, быстро относить их за двести метров и аккуратно складывать. Произошла суматоха, толкотня, так как на каждую платформу приходилось по восьмидесяти разгружавших. А если кто не успевал брать на-бегу кирпичи, немцы били плетью.

Когда стемнело, пришел ко мне Борис.

Мы сели во дворе на доски. Сначала он повел обыденные разговоры. Потом предупредил меня, что «капо» Бжецкий стал за мной следить, услы-

шав мои слова о том, что «партизаны за нас действовать не будут».

— А зачем за мной следить? — заметил я спокойно. — Ведь я не собираюсь делать ничего преступного. А вчера в бараке я только отвечал на вопросы женщин.

Борис помолчал немного, потом внезапно сказал:

— Бежать отсюда очень трудно, почти-что невозможно. Каждый лагерь огорожен колючей проволокой высотой в три метра, затем идет заминированное поле шириною в пятнадцать метров, а за ним еще один ряд колючей проволоки. Не забудьте и о глубоком рве. Охрана, примерно, сто двадцать — сто тридцать человек, в том числе четырнадцать немецких офицеров. А если даже кому удастся бежать, то остальным — смерть.

Я поднялся.

— О чем говорить? Ведь я же не замышляю побега.

— Обождите! — удержал меня Борис. Давайте поговорим откровенно.

Нас много таких, кто постоянно мечтает о побеге, но мы не знаем как это сделать. Нам, словно воздух, нужен человек, который вывел бы нас отсюда. Мы выполним все, что он скажет.

Придвинувшись еще ближе ко мне, он добавил тихо:

— Я пришел к вам по важному делу. Мне группа товарищей поручила просить вас, чтобы вы организовали побег. Люди верят вам чуть ли не с первого дня вашего пребывания в лагере: о вас много рассказывают прибывшие с вами советские люди, ваши разговоры в женском бараке и ваше поведение с Францем при колке дров также хорошо известны всем.

Я пристально взглянул на Бориса: не предатель ли он? Но взор его был открытый, прямодушный. Я вспомнил его волнение, с которым он рассказывал о гибели людей на «фабрике смерти». Да и выбора у меня не было, — приходилось идти на риск.

— Как заминированы поля? В шахматном порядке? — спросил я.

— Да. Я знаю это точно, потому что наши лагерники откапывали ямки для мин.

— А какое расстояние между минами?

— Полтора метра. Их соединяет натянутая проволока.

— Мне надо будет держать с вами связь. Как это сделать, чтобы не возбуждать подозрений? Не устроить ли так: вы познакомите меня с какой-нибудь девушкой, не знающей русского языка, и я стану бывать у нее в женском бараке под предлогом ухаживания. Вы будете приходить туда как бы моим переводчиком. С вами я буду говорить по-русски обо всем, что нужно. Согласны?

— Да. Но с кем же познакомить вас?

— Я вчера заметил там девушку с каштановыми волосами. Она курит. Подруги называли ее каким-то именем, похожим на Люка.

— А, знаю, знаю. Она из Голландии, по-русски не понимает ни слова. Значит, мы смело можем разговаривать при ней.

Не откладывая этого дела, я, Шлейма и Борис отправились в женский барак.

Как ни уставали люди от непосильного труда, от голодной каторжной жизни, но они стремились видаться друг с другом, украдкой от немецких офицеров. Когда поздним вечером мы вошли в женский барак, там было несколько мужчин-лагерников.

— Люка, иди сюда, — позвал Борис худощавую, стройную девушку. — Вот эти русские просят познакомиться с тобой.

Девушка внимательно взглянула на меня, потом на изможденное, с впалыми глазами лицо Шлеймы. Она крепко пожала нам руки.

Ее нельзя было назвать красивой, но она была очень привлекательна. Особенно хороши были ее темные глаза, мягкие, полные грусти, затаенного страдания.

Я был в затруднении, с чего начать разговор с ней, и сказал, улыбаясь, Шлейме:

— Приличие требует сказать хоть

словечко. Но она все равно не поймет меня, а я — ее.

— Что он сказал? — с любопытством спросила Люка по-немецки.

— Он сказал, что впервые встречает такую интересную девушку, — пошутил Шлейма.

— Он не мог этого сказать. Я не из таких, кого называют красивыми.

— Вы неправы, — сказал я с трудом на немецком языке. — Интересные девушки намного привлекательнее, чем красивые.

Я поговорил с Люкой еще немного, затем мы расстались.

5 октября. Прошло несколько однообразных, томительных дней. За это время прибыло еще два эшелона «смертников», — и опять оглушительно гоготали гуси...

Теперь я каждый день беседовал по вечерам с Люкой. Мы подружились. Меня привлекали в ней ум и сердечная доброта. Чувствовалось, что, несмотря на свою молодость, она многое пережила, перестрадала.

6 октября. Я и Люка разговаривали, сидя вдвоем во дворе лагеря на разбросанных досках. Я спросил:

— Люка, зачем ты так много куришь? Ты ведь совсем молодая. Нехорошо.

— Я не могу бросить, не могу. Меня это немного отвлекает... Ты знаешь, Саша, я работаю на кроличьем дворе, кормлю милых зверушек. Этот двор огорожен от дороги забором с большими щелями. Мимо меня часто ведут в третий лагерь женщин, детей и мужчин. Я с ужасом смотрю на их изможденные лица. Несчастные, знают ли они, что их ведут на смерть в страшных муках? Сердце разрывается у меня от жалости к ним. Но как помочь?... Я так боюсь третьего лагеря... Теперь тебе понятно, почему я курю?

— Да, — ответил я.

— И не только это волнует меня: вот, например, сегодня пришел унтерштурмфюрер Эрнст Берг и ударил меня пощипу, а за что — не знаю. Он думал, что я заплачу, убегу от него. Но я стояла,

подняв голову — вот так — и смело глядела на него. Тогда он разозлился, еще сильнее хлестнул меня по лицу и крикнул: «век!» Я медленно отошла.

— Молодец! Это хорошо, что ты сдержалась, не заплакала... Расскажи мне о себе. Откуда ты? Ты знаешь немецкий язык, но ведь ты, как будто, голландка?

— Я скажу тебе по секрету: мой отец — коммунист, жили мы в Гамбурге. Когда гитлеровцы захватили власть, отец вел борьбу с ними, потом ему пришлось скрываться. Мою мать арестовали, избили. Меня тоже, хотя мне было тогда лишь восемь лет. Затем мы бежали в Голландию. Там у нас был радиоприемник, к нам приходили люди, слушали Москву. Когда немцы вторглись в Голландию, отец снова бежал, а меня, двух братьев и мать привезли сюда. — Люка помолчала немного и дрогнувшим голосом добавила: — Братьев убили.

7 октября. Вечером, после работы, я разговаривал с Борисом.

— У меня два плана, — сказал я. — Изложу вам пока только первый вариант.

Второй план еще мною недостаточно продуман, нужны дополнительные сведения. Скажите, кроме общей охраны лагеря ставят ли где дополнительную?

— Днем — нет. А на ночь выставляют два пулемета и охрану около офицерского домика и еще за проволочным ограждением ходят патрули.

— Есть ли у вас в сапожных, слесарных, портняжных мастерских во втором лагере люди, на которых можно положиться?

— Есть, есть. Вы только скажите, кому что делать.

— Хорошо. Мой первый вариант такой: столярная мастерская всего в пяти метрах от проволочного ограждения. Дальше идут четыре метра с тремя рядами проволоки и пятнадцать метров заминированного поля, еще четыре метра за ним. Надо прибавить и семь метров — расстояние от стены до печки внутри столярной. Стало быть, надо делать подкоп длиной тридцать пять метров. Копать на глубине восемьдесят сан-

тиметров: ниже нельзя — встретим воду, а выше тоже не придется — попадутся мины.

— А причем тут печь в мастерской?

— При том, что копать нужно именно от нее: там пол обит железом, и если даже немцы заподозрят и начнут стучать по полу, то не будет слышно звука пустоты.

— Куда же девать землю?

— Землю прятать под пол мастерской. Часть ее можно ссыпать на чердак. Всего придется вынуть около двадцати кубометров. Копать ночью. Выделить знающего человека, чтобы подкоп не уклонился от намеченной линии. На всю эту работу потребуется дней двенадцать-пятнадцать.

— План, как будто, дельный, — заметил Борис. — А в чем же вы видите его недостатки?

— Плохо то, что потребуется очень много времени, чтобы через подкоп длинной тридцать пять метров проползли, один за другим, шестьсот человек. Да и не только проползли, но чтобы и даль-

ше пробрались незаметно. Очень боюсь, что не успеем мы сделать это за шесть часов — с одиннадцати ночи до пяти утра. А самое главное: если принять этот план, мы не достигнем одной из главных наших целей — не уничтожим немцев. Но все же посоветуйтесь с вашими людьми.

— Хорошо.

— Вот еще что: изготовьте в кузнице штук семьдесят ножей. Я раздам их ребятам. В случае, если наш заговор будет обнаружен, живыми врагу не дадимся. Кроме того, устройте меня и Шлейму в столярную мастерскую. Оттуда нам легче будет руководить подготовкой к побегу.

— Думаю, что мне удастся все это... Пока до свиданья. Пора возвращаться в барак.

8 октября. Прибыл еще один эшелон -- и так же хладнокровно, методически немцы истребили всех прибывших.

Утром, когда мы строились в колонну, старший рабочий столярной мастерской Янек пришел за мной. Шлеймой и еще

одним из нашей группы для выполнения, якобы, спешного заказа.

9 октября. Во время моего разговора с Люкой ко мне внезапно подошел один из лагерников, по имени Григорий, и сообщил, что в эту ночь собираются бежать пятнадцать человек. План их был такой: перерезать колючую проволоку вблизи уборной, проползти дальше и убить часового. Но они не учли грозного препятствия — заминированных полей. Они и не подумали о том, что за их побег жестоко поплатятся все оставшиеся. С большим трудом мне удалось убедить не делать побега. В заключение я сказал:

— Ждите.

При этом разговоре мы оба сильно горячились. Когда Григорий ушел, Люка спросила меня:

— Саша, ты о чем говорил с ним?

— Так, о пустяках разных.

— Неправда. Ты скрываешь от меня. Я знаю, о чем вы говорили. Знаю, о чем ты каждый день беседуешь с Борисом и другими. Так и к моему отцу приходи-

ли товарищи, как будто для того, чтобы чай пить, а сами готовили большие дела.

Я всячески пытался уверить Люку, что она ошиблась, но девушка, упрямо качая головой, говорила:

— Нет, нет, ты меня не обманешь, я все понимаю...

Слезы показались на ее глазах. Она схватила меня за руку и спросила:

— Саша, зачем ты это делаешь? Ведь отсюда нет возврата. А если вы и убежите, всех нас тогда — в третий лагерь. Я его так боюсь! Как ни ужасна эта жизнь, я все же не хочу умирать, да еще в таких муках.

— Люка, зачем ты так нервничаешь и приписываешь мне замыслы, которых у меня нет? Давай лучше поговорим о другом. Я расскажу тебе о своей семье, о своем детстве...

Уходя, я сказал ей:

— Люка, смотри, никому ни слова о твоих предположениях...

Прерывающимся голосом она ответила:

— Когда я была маленькой, меня избивали в гестапо, спрашивали, где отец, но я и тогда умела молчать... А теперь... ты... Эх, ты, Саша! — и, заплакав, она побежала в свой барак.

10 октября. В этот день многие были избиты плетями. Произошло это так. Утром, как обычно, мы отправлялись на работу, колонной выстроившись по три в ряд. Возле ворот стоял незнакомый мне немецкий офицер с забинтованной левой рукой. Мне сказали, что это Грейшут, начальник охраны. Он ездил в отпуск, по дороге в Германию попал под бомбежку и был ранен.

Как всегда, Франц распорядился, чтобы мы пели песни. Мы двинулись под звуки авиамарша: «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...». Эту песню мы нарочито выбрали, зная, что она будет не по душе Грейшуту, «пострадавшему» при бомбежке.

Услышав авиамарш, Грейшут, с перекошенным от злобы лицом, ворвался в наши ряды и стал избивать плетью кого попало.

Франц расхохотался. Потом подошел к Грейшуту, обменялся с ним несколькими словами, пытаюсь, видимо, его успокоить, и приказал нам снова построиться в колонну и идти.

11 октября. Вечером, когда я был в кузнице, туда пришел «капо» Бжецкий. Был он долговязый, худой, правый глаз у него всегда прищуренный. У немцев он был, как будто, на хорошем счету. Но все же никто в лагере не слышал, чтобы он выдавал кого-нибудь, доносил начальству лагеря.

Когда мы остались наедине, Бжецкий сказал мне:

— Мне хотелось бы поговорить с вами по-душам. Вы, конечно, догадываетесь о чем? Должен признать, вы ведете себя очень осторожно. Но я знаю, что достаточно вам бросить небрежно два-три слова, чтоб взволновать всех. Ведь все знают не только то, что вы из СССР, но и то, что вы пользуетесь большим влиянием среди прибывших вместе с вами. Вот, к примеру, несколько дней назад вы сказали в женском бараке:

«партизаны за нас действовать не будут» — и эти слова тотчас же разнеслись по всему лагерю.

— Вы сильно преувеличиваете.

— Нисколько. А кроме того, я знаю, что вы ведете агитацию через вашего друга Шлейму. Он очень скрытно, но искусно, агитирует, много рассказывает о жизни в Советском Союзе, а откуда ему знать подробно эту жизнь, как не от вас? Люди из СССР вообще пользуются большим влиянием в лагере, а вы и Шлейма — особенным.

Бжецкий закурил и, затянувшись, сказал решительно:

— Будем откровенны. Вам надо опереться на нас, «капо», особенно на меня. Для вас это важно уже потому, что в рабочее время мы имеем право ходить по всем лагерям, кроме, конечно, № 3, значит, вы всюду можете иметь связь... Поймите, почему я предлагаю вам нашу помощь: я уверен, что когда будет уничтожен этот лагерь, а быть может и раньше, все, кто здесь находится, в том числе и «капо», будут убиты немцами.

— Хорошо, что вы это понимаете, — сказал я и задал ему в упор вопрос:

— Вы могли бы убить немца?

Бжецкий ответил не сразу, но твердо:

— Да. Если, конечно, это нужно для пользы дела.

— Давайте пока закончим на этом наш разговор. Потом побеседуем еще.

Он ушел, а я глубоко задумался. Помощь Бжецкого, несомненно, может сильно пригодиться. И в то же время опасно доверять ему.

«Надо посоветоваться со Шлеймой», решил я. Шлейма был моим другом еще по Минскому лагерю. Коммунист, старый подпольщик — варшавский рабочий, он был умелым, искусным агитатором, и все заключенные в Собибуре с первых же дней стали относиться к нему с уважением.

12 октября. Прибыл еще эшелон. Вокруг лагерей была поставлена усиленная охрана. Вскоре раздались автоматные очереди. Оказалось, когда голых людей вели в третий лагерь, они догадались, что идут на смерть, и бросились бежать.

в разные стороны, но едва достигли проволочных заграждений, как были скошены огнем немцев.

Навсегда в моей памяти останется то, что я видел сегодня. В нашем лагере было 18 больных, работать они не могли, а лечить их немцы не хотели: «зачем лечить, лучше убить их... ведь так легко заменить их другими». И вот сегодня немцы во главе с Францем вывели из барака всю эту партию больных. Среди них был молодой голландец. Он шел шатаясь, едва держась на ногах. Жена голландца, узнав, что ее больного мужа ведут на «фабрику смерти», не помня себя от ужаса, бледная, как полотно, кинулась за колонной и, нагнав ее, крикнула Францу:

— Изверги, вы уводите моего мужа на смерть, так берите же и меня. Я не хочу, слышите — не хочу жить без него! — Она схватила мужа за руку и, не отрывая от него взгляда, соразмеряя свой шаг с его неверной, колеблющейся походкой, пошла в колонне смертников.

По моему приглашению, вечером, по-

сле работы, в столярной мастерской собрались Шлейма, Борис, Янек, старший портной Юзеф, сапожник Якуб и еще трое.

Беседу с ними я начал с того, что передал им предложение Бжецкого и спросил, следует ли принять его в нашу группу. Посоветовавшись, согласились принять. Тогда я послал одного из собравшихся за Бжецким. Вскоре он пришел.

Первый план — бежать путем подкопа — был уже нами ранее обсужден и отвергнут как негодный. Поэтому я познакомил собравшихся со вторым планом, выработанным мной и Шлеймой.

— Бежать надо всем, уничтожив предварительно всех немецких офицеров, поодиночке и быстро, в течение одного часа, чтобы они не успели обнаружить исчезновения своих и поднять тревогу. Уничтожить их надо в мастерских, куда они будут вызваны под разными предлогами. Людей для уничтожения офицеров назначу я сам. Выполнить это надо так: после обеда, в три с половиной часа,

Бжецкий под каким-нибудь предлогом поведет во второй лагерь трех наших людей, которые должны убить там четырех офицеров. Борис отвечает за то, чтобы ни один человек не выходил из лагеря до тех пор, пока я не дам сигнала к побегу. В четыре часа мы должны перерезать связь, проходящую через второй лагерь в помещение резервной охраны. Также в четыре часа начать уничтожение офицеров в лагере № 1, приглашая их по одному в мастерские. В четыре с половиной часа Бжецкий выстраивает всех лагерников в колонну, якобы для работы, и они направляются к главным воротам. В первые ряды колонны становятся люди из СССР. По дороге они должны овладеть оружейным складом, после чего незаметно пристроиться к колонне и, дойдя до ворот, снять часового и напасть на караульное помещение.

— А что, если побег будет обнаружен и охрана откроет стрельбу? — спросил озабоченно Борис. — Ведь немцы могут успеть перекрыть пулеметным огнем дорогу к воротам. Хорошо, если мы смо-

жем захватить достаточно оружия, а если не удастся?

— На этот случай у меня есть второй вариант, — ответил я. — Вы знаете, что офицерский домик находится совсем близко к проволочному заграждению. Я думаю, что немцы либо совсем не заминировали подходы к домику, либо использовали только сигнальные мины, не представляющие опасности. Таким образом, в этом месте легко будет прорвать проволоку. Бегущие впереди должны забрасывать дорогу камнями, чтобы подорвать мины. И еще: одновременно с построением колонны в первом лагере, будет послан человек в лагерь № 2 для вывода оттуда людей... Вот и все, — закончил я. — Есть ли какие замечания или поправки?

Товарищами было внесено несколько предложений, но в целом план был принят.

Прощаясь, я предупредил: «Ни слова никому, хотя бы самому близкому человеку. Малейшая неосторожность, — погибнем не только мы, но и все».

13 октября. Мы опять собрались и окончательно решили бежать 14 октября. Всю эту ночь я и Шлейма не спали. Лежа рядом на нарах, мы советовались, уточняли план. Думали, какие меры принять в случае неожиданностей. В ту же ночь мы раздали ножи надежным людям.

14 октября. День ясный, солнечный. Я с утра работал в отделении столярной мастерской, в одном из бараков, из окна которого мне был виден весь двор лагеря № 1. Со мной находилось еще семь лагерников. Никто из них не знал о побеге, но все смутно чувствовали, что надвигаются важные события. Да и весь лагерь в этот день был в каком-то напряженном состоянии.

В двадцати метрах от меня в другом бараке работал Шлейма с группой в двадцать человек. Людей в эту группу он подобрал по моему указанию с помощью Янека.

В десять часов утра меня вызвал в столярную Янек. Там был и Шлейма. Он сообщил мне:

— Ну, многое уже наладили. Эрнста Берга мы пригласили к четырем часам в портняжную мастерскую примерять костюм. В сапожную мастерскую придут начальник лагеря № 3 Гетдингер — тоже в четыре часа, и унтершарфюрер Клятт — пятнадцатью минутами позже. А к четырем часам к тебе явится Франц осмотреть шкафы. Остальных офицеров я тоже вызвал в мастерские.

Я вернулся в столярную. Вскоре ко мне пришел Шубаев. Я сказал ему:

— Сегодня в три часа дня пойдешь в портняжную мастерскую. Захватишь с собой стамеску, рубанок и топор. Помни: если промахнешься и немец поднимет крик, мы погибли.

Затем явился Цыбульский. Я обратился к нему:

— Тебе поручаю самое сложное задание, потому что знаю давно. С тобой пойдут еще двое. Возьмите два топора. За вами пойдет Бжецкий и отведет в лагерь № 2.

— Не беспокойся. Саша. Можешь положиться на меня

В два часа дня неожиданно нам помешали: пришел один из немецких офицеров, Вальтер, взял Бжецкого и еще трех человек и повел их куда-то. Все, кто знал о предстоящем побеге, очень встревожились: неужели кто предал? Ведь Вальтер пришел в лагерь с автоматом, а раньше в лагерь офицеры, вооруженные автоматами, не заходили... Лишь в три часа мне сообщили, что Бжецкий был направлен для укладки леса в «Норд-лагерь», а так как пошли без часовых, то офицер взял с собой автомат. Я приказал тогда «капо» Генику взять из группы Шлеймы трех человек с топорами, во главе с Цыбульским, и отправиться во второй лагерь.

Случилось так, что начальник всех лагерей Эрнст Берг прибыл в портняжную мастерскую на двадцать минут раньше срока. Он слез с лошади, бросил поводья и вошел. Там были Шубаев и Сения. У дверей лежал топор, прикрытый гимнастеркой.

Берг снял мундир. Пояс, на котором висел пистолет в кобуре, положил на

стол. К нему поспешил портной Юзеф и начал примерять костюм. Сеня подошел ближе к столу, чтобы перехватить Берга, если он бросится за пистолетом. Убить топором немца должен был Шубаев.

Эрнст Берг все время стоял лицом к Шубаеву. Тогда Юзеф повернул немца лицом к двери под предлогом, что так лучше делать примерку. Шубаев схватил мгновенно топор и со всего размаха хватил Берга обухом по голове. Из нее брызнула кровь. Фашист вскрикнул и зашатался. Лошадь, услышав крик хозяина, шарахнулась от мастерской. Если бы она побежала по лагерю, то это могло сорвать все наши планы. К счастью, один из лагерников успел схватить лошадь под уздцы.

Вторым ударом Шубаева Берг был добит. Труп его бросили под койку в мастерской и закидали вещами. Залитый кровью пол быстро засыпали приготовленным заранее песком.

Тотчас же Шубаев схватил пистолет Берга и принес мне. Я обнял его.

— Спасибо, дружище... Ну, теперь начало положено и никто уже не отступится... Беги назад!

Все это утро я сильно волновался, хотя всячески старался скрыть это. Но как только я узнал, что немцев уничтожают и план выполняется, я сразу успокоился.

Ровно в четыре часа начальник «фабрики смерти» — лагеря № 3 — Гетдингер явился в сапожную мастерскую и спросил, готовы ли его сапоги.

— Да, — ответил Якуб. — Примерьте.

И когда он стал примерять, Аркадий одним взмахом топора зарубил его.

В десять минут пятого в сапожную вошел обершарфюрер Грейшут. Он был убит тут же Сеней.

В четыре часа двадцать минут ко мне прибежал из лагеря № 2 Цыбульский и сказал, волнуясь:

— Четырех уничтожили. Связь перерезали, два пистолета оставили там надежным людям.

Почти одновременно с этим во двор вошел унтершарфюрер Гаульштих. К нему подбежал Шлейма:

— Я не знаю, как дальше нары делать. Войдите в мастерскую, а то все стоят без работы.

Гаульштих направился в барак. За ним пошел «капо» Шмидт. Но Бжецкий взял его за руку и удержал:

— Если хочешь жить, не ходи, не мешай!

Шмидт с ужасом посмотрел на Бжецкого. Тот отвел Шмидта в сторону и продолжал разговор...

Тем временем Гаульштих был убит Шлеймой. Покончив с ним, Шлейма пришел ко мне и сообщил:

— Сейчас жестянщики принесли в водосточных трубах шесть винтовок с патронами. А слесарь Генрих Энгель, из Лодзи, работающий в гараже, убил унтершарфюрера Бекмана и захватил его автомат.

— Хорошо. Но как нам быть с Францем? — спросил я. — Он так и не явился.

— Чорт с ним! Не мы, так другие его уничтожат. Уже мы отправили «на тот свет» десять офицеров. Бежим, Саша, пора, пора, уже без двадцати минут пять.

Ладно. Но, может быть, еще явится Франц... Через десять минут Бжецкий даст сигнал к построению. Отправь человека в лагерь № 2, пусть тоже выходят, и позови, пожалуйста, Люку.

Минуты через две прибежала ко мне взволнованная Люка.

— Что случилось? — спросила она, задыхаясь.

— Через десять минут все бегут из лагеря. Оденься поскорей во все мужское: в юбке бежать через лес будет неудобно.

— Саша, неужели ты решился?

— Люка, поздно уже говорить об этом. Мы убили почти всех немцев.

— Саша, я боюсь. Не за себя боюсь, — за других, за тебя... Что они сделают, если поймают. — Она начала плакать.

Посмотрев на нее строго, я сказал:

— Время не ждет. Иди скорей оденься.

Раздался свисток к построению. Все выбежали из барачков, спешили, рвались вперед к воротам.

Во двор вошел начальник караула — немец из Поволжья — и стал ругаться:

— Стройтесь, ведь вы же слышали свисток! Шнель, русь!

Он положил руку на кобур, но не успел выхватить пистолета, как несколько топоров опустилось на его голову. Женщины заволновались. В этот момент к нам приближалась колонна из второго лагеря. Нельзя было терять ни одной секунды. Я крикнул:

— Товарищи! К воротам!

Все ринулись вперед. Сначала побежали к оружейному складу.

Оставшиеся в живых немецкие офицеры попытались преградить дорогу толпе, открыв огонь из автоматов, но поднять общую тревогу они не успели.

Народ хлынул в сторону, вдоль лагеря № 1. Некоторые стали перерезать проволоку возле офицерского домика. Остальные кинулись к центральным воротам. Сняв часового, побежали в лес, отстреливаясь на ходу из захваченных у убитых немцев пистолетов и винтовок. Те, у кого не было оружия, засыпали глаза фашистов песком, бросали в них камни.

Группа, бежавшая из второго лагеря, во главе с Борисом, бросилась влево от центральных ворот. Я видел, как некоторые из них начали прорывать колючую проволоку. Им пришлось преодолевать заминированное поле, и здесь многие погибли. Остальные бежали к центральным воротам, сняв часового.

Я покинул лагерь одним из последних; только тогда, когда убедился, что все уходят из него.

Несколько часов я бежал по лесу. Сердце у меня колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот оно разорвется; ноги подкашивались от усталости; руки и лицо я ободрал о колючки кустарников, из царапин лилась кровь, но в своем возбуждении я не чувствовал боли.

Меня волновало: «Что стало с Люкой, Шлеймой, Борисом и другими? Сколько лагерников погибло при побеге?».

На пути я то и дело торопил, подгонял товарищей:

Собрав своих спутников, я сказал им:

— Пока-что начало удачное. Но все еще впереди. Бежать нужно организованно. Все вы идите за мной, цепочкой, не обгоняйте друг друга. Сохраняйте тишину, никаких разговоров. Без моего разрешения не останавливайтесь. Понятно? Кто знает по-русски, переводите другим... А теперь скажите, кто из вас видел Люку и Шлейму?

Все молчали.

— Ну, в путь!

Наконец, мы вышли на опушку леса. Впереди расстиралось ровное поле. Не было даже кустарников. Но идти нужно, нельзя медлить ни минуты.

Я собрал всю свою группу и объяснил:

— Итти будем попрежнему гуськом. Если я лягу на землю, ложитесь тотчас же и вы.

Вскоре мы очутились возле канала, где встретили группу лагерников во главе с Шубаевым. Я спросил его:

— Что со Шлеймой, видел ли его?

— Да, немцы ранили его в ногу. Но он бежал вместе с нами еще километра три, а потом свалился и все просил, что-

бы его пристрелили; но, конечно, об этом не могло быть и речи. Его понесли с собой лагерники, направившиеся в сторону Хелма. В этой группе был и Борис.

— Но почему же не вы взяли с собой Шлейму? Если б вы знали, как много он сделал для организации побега!.. А Люку ты видел или слышал что о ней?

— Нет.

Наша группа, теперь уже в составе шестидесяти человек, двинулась дальше.

Начинало светать. Моросил мелкий дождь. Я выслал разведку. Она выяснила, что мы находимся метрах в пятидесяти от железнодорожного полотна. Примерно в полукилометре была видна группа людей, работавших на путях.

Весь день мы лежали неподвижно. Вокруг была слышна стрельба, летали немецкие самолеты, разыскивая бежавших. Два «стервятника» несколько раз проносились над нами на бреющем полете, но не обнаружили нас.

Так прошел первый день нашей свободы — 15 октября.

Поздно вечером мы встретили еще двух лагерников.

Я спросил их:

— Вы Люку знаете?

Один из них ответил:

— Да, знаю.

— Нигде не встречали ее?

— Видел ее в одной из групп, бежавших в сторону Хелма.

Радость переполнила мое сердце. «Где-то она сейчас, — думал я, — по каким лесным тропкам пробирается? Кто ведет ее и других? И сумеет ли провести благополучно?»

Вечером мы отправились снова в путь. Пройдя километров пять, вступили в лес и разбились на мелкие группы.

*

В мою группу вошли Шубаев, Цыбульский, Аркадий Вайспапир, Михаил Ицкович, Семен Мазуркевич и еще трое.

Мы решили идти по ночам, направляясь к Бугу, перебраться через него и терзать путь дальше на восток.

Изредка мы заходили в хутора, рас-

спрашивали жителей о дороге, добывали продовольствие. Поляки очень хорошо относились к нам, помогали всем, чем только могли, снабжали продуктами, предупреждали нас, где стоят немецкие отряды и как обходить их.

Так шли мы три дня. 19 октября мы остановились на отдых в лесу, около одного из хуторов. Вблизи, на расстоянии немногим больше километра, катил свои волны широкий Буг.

Мы отправились на хутор. Я, Шубаев и Цыбульский вошли в одну из хат, остальные остались на страже.

Войдя в хату, мы увидели старуху, лежащую на печи. У стола сидел старик лет семидесяти, немного поодаль от него — молодая женщина, раскачивавшая босой ногой люльку с ребенком. В комнате был еще здоровенный парень, муж молодайки, как потом оказалось.

Мы поздоровались и попросили хозяйку завесить окна. Та молча сделала это.

— Отдыхайте, — сказал тихо старик.

Я решил действовать «в открытую». Рассказал им, что мы бежали из немец-

кого плена, и спросил, можно ли перейти вброд Буг в этой местности.

Парень согласился показать нам брод с условием, что мы его не выдадим, если немцы захватят нас. Мы пообещали это. Жена парня дала нам в дорогу хлеба. А старик, когда мы уже вышли из хаты, выскочил босиком во двор и перекрестил нас со словами:

— Дай вам бог спастись, дай бог!

...В ночь на 20 октября мы вступили на землю Белоруссии. 22 октября мы встретили не так далеко от города Бреста партизан из отряда имени Ворошилова. А 23 октября мы уже получили первое боевое задание.

Цена 3 руб.

**РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д., Морская, 135**